

Т Е А Т Р

Власть тьмы.

Первый спектакль для союзов сделал брешь в сумбатовско-трахтенбергском репертуаре: Толстой — Власть тьмы! Эта одна из прекраснейших русских драм. В ней, во всяком случае, все — от искусства и ничего от пошлости. По силе художественного обобщения, по яркости и мелодии красок — эта крестьянская трагедия была и остается до сих пор не превзойденным образцом. В ней один герой — Правда, как говорил сам Толстой про другую свою вещь. Самая неподкрашенная, неидеализованная, черная, но великая правда о мужике, который до сих пор на сцену и в литературу вводится или эпизодически в анекдоте, или обсахаренный. По какому-то молчаливому соглашению всех как-то установилось, что трагедия больших душевных движений и страстей, что героическая драма внутреннего порядка — это принадлежность Макбетов и Годуновых, т. е. царей и героев — фигур либо отвлеченных и условных, либо стоящих на высшей ступеньке культурной сложности. Но сделать мужика во всей его реальной сути носителем героического во внутренней драме, т. е. показать общечеловеческое и великое в бунте мужичьих темных страстей — это опыт, еще литературой не испытанный.

Для постановки пьесы трудна необычайной именно этим необычным соединением верхней и крестьянской этнографии, золотой россыпи простонародной речи, сурового реализма с большой драмой внут-

реннего порядка шекспировой силы.

У нас в театральной традиции это совершенно из двух разных опер, из разных областей нашей отвердевшей техники и почти несоединимо: играть мужика — это одно, играть большую драму — это совершенно иное. Получается обычно зависание одной из этих двух половин. В частности играть крестьянский говор, мужичью избу внутри, быт редко удается.

В постановке Бардина со всей тщательностью и серьезностью, которым нельзя отказать в репетительном уважении и признании, была обставлена внешняя, этнографическая сторона. И все же получилось ложное впечатление подделки. Ливанская — сладостная, медоречивая отравительница Матрена — чуть не единственная, без принуждения и фальши сыгравшая верно внешний и внутренний облик этой темной души, Бардин играет искренно — поэтому даже если игра его не достигает нужной силы воздействия, она принимается, как грамотная и верная передача авторского текста, как сценическое чтение. Едва ли он актер на большие страсти и патетическое страдание. Бытовые нотки сблизняют его больше. Власть тьмы и рвущуюся из этой тьмы душу Никиты он показал бедно и не ярко, но передал верно.

Классические «тае» Акима, невыразимая частица крестьянской души, в которой говорит века рабства, покорности, безволия и безмолвия, — пропала вовсе.

Л. С. Выготский.